М. В. КОНОТОПОВ, Р. А. КАМАЕВ, Д. А. ДИНЕЦ

СОН РАЗУМА

О СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ ПРАКТИКЕ

УДК 33
ББК 65
К64

Рецензенты:

Н. А. Лебедев – д.э.н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, академик Российской инженерной академии, ведущий научный сотрудник ФБГУН «Институт экономики РАН»;

А. А. Никитин – д.э.н., профессор, заслуженный работник текстильной и легкой промышленности РФ, почетный работник науки и техники РФ, лауреат премии Правительства РФ, генеральный директор ЗАО «Фабрика «Парижская коммуна».

Конотопов, Михаил Васильевич.

К64 Сон разума : о современной теории экономики и ее практике : монография / М. В. Конотопов, Р. А. Камаев, Д. А. Динец ; под общ. ред. М. В. Конотопова. – 2-е изд. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2024. – 216 с.

ISBN 978-5-394-05766-3.

Авторы постарались проследить взаимосвязь современного плачевного состояния теории экономики и разрушающего воздействия мировой финансовой системы на ее практику. Кроме «модных» в последние десятилетия «направлений в теории» дан анализ неутешительных результатов «математизации» экономической мысли. Рассмотрены пороки современной образовательной системы России и пути их устранения с учетом того, что в ближайшей перспективе внедрение научных достижений в производство – единственный источник роста производительной силы труда. В конце работы предложены те направления исследований, которые, по мнению авторов, позволят оздоровить теорию экономики.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также для руководителей в системе государственного и корпоративного управления, интересующихся проблемами формирования и развития экономики с позиции рационализации взаимодействия государства и рынка.

© Конотопов М. В., Камаев Р. А., Динец Д. А., 2023
© Конотопов М. В., Камаев Р. А., Динец Д. А., 2024, с изменениями
© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2023
© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2024, с изменениями

ISBN 978-5-394-05766-3

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание 3

Введение 4

Чем больна современная экономическая теория
и как ее лечить 10

Математика в экономике: горькие плоды 44

Экономика и политика США: что теперь первично 80

«Нобелевские лауреаты» по экономике и их вклад
в ее деградацию 117

Еще раз об угрозах, исходящих от фиктивного капитала
мировой финансовой системы 128

Мир и экономика после пандемии 144

О форме без содержания: реформирование образования
в современной России как основа его регресса 160

Сон разума 182

Заключение 190

Список литературы 196

ЧЕМ БОЛЬНА СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И КАК ЕЕ ЛЕЧИТЬ

Почему же так быстро и легко сдались представители советской школы политической экономии? Думаю, дело тут не только в проблеме выживания. В 90-е годы «научные коммунисты» переквалифицировались в культурологов, историки КПСС – в историков России, политэкономисты – в экономтеоретиков, дабы сохранить рабочие места. Да, это было. Но в основе лежит слабость самой «политической экономии социализма», которая базировалась на теории К. Маркса, с одной стороны, и на преобразованиях социально-экономической системы нашей страны после Октябрьской революции – с другой.

К. Маркс дал самый глубокий анализ капиталистической стадии развития экономики, предварив его (не по изложению в «Капитале») изучением предшествующих форматов и критическим осмыслением идей своих выдающихся предшественников. Но теории социализма в его работах нет, в чём и корень проблемы. Он оставил нам ряд соображений о социалистической формации (например, переход земли в собственность крестьян). Но советская школа строилась не на чистом марксизме, а на марксизме-ленинизме, да ещё в сталинской редакции. В. И. Ленин – блестящий полемист, хороший социолог и, безусловно, успешный политик, в угоду именно политической ситуации весьма вольно обращался с наследием Маркса. Так, земля была передана в государственную собственность (Ленин заимствовал эту меру у эсеров, а те выполняли наказ Первого всероссийского схода крестьян). Он дополнил сформулированный Марксом закон об опережающем росте производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления своим законом «об опережающем росте производства средств произ-

водства для производства средств производства», обоснование которого, на наш взгляд, сомнительно. Национализация земли, а затем и практически всех средств производства стала основой для создания в СССР социально-экономической формации по образу и подобию «азиатского (древневосточного) способа производства», который Маркс выделял в отдельную формацию и на наличие элементов которой в социально-экономическом устройстве Российской империи он указывал [1, 2]. Только теперь в нашей стране были не элементы, а азиатский способ в чистом виде. Дабы не смущать умы, И. В. Сталин элиминировал азиатский способ из его учения, равно как и закон отрицания отрицания из философии. В результате большинство моих коллег даже не подозревали о его существовании. Мне повезло, мой будущий друг и соавтор, а тогда преподаватель С. И. Сметанин на свой страх и риск излагал нам, студентам первого курса МИНХ им. Г. В. Плеханова, азиатский способ в курсе «История народного хозяйства». В остальном учение К. Маркса в ленинско-сталинской трактовке было канонизировано, возведено в абсолют. Сомнению не могла быть подвергнута не только ни одна фраза, но даже буква и запятая. Именно такой сакральный подход к знанию служит отличительной чертой азиатского способа как социально-экономической формации (в Древнем Египте, например, инженерам нельзя было вычислять, можно было только измерять). Но именно такой подход ведёт общество к стагнации, также характерной для азиатского способа.

Чем же занимались советские политэкономы? Они втискивали современную им действительность в формулировки К. Маркса. Но экономические законы были выведены им применительно к капиталистическому способу производства, а действовал азиатский.

Маркс не нуждается ни в чьей поддержке (Д. Гэлбрейт заметил как-то, что «любой экономист в той или иной степени марксист»). Но необходимо ещё раз обратить внимание на то,

чем в корне отличается его теория от других. В центре товарного хозяйства лежит обмен этими товарами. Каким по нравственным понятиям должен быть обмен? Эквивалентным (равноценным), а на деле это не так. К. Маркс, выделив труд как «товар особого рода», введя понятие «рабочая сила», показал причину этого. Авторы всех других теорий, начиная с Ф. Кене, тщательно это скрывали. В крайнем случае, настойчиво уверяли обездоленного участника экономического процесса, что это для его же блага, а то будет ещё хуже. Но стремление человека к справедливости непреодолимо, поэтому вопрос об эквивалентности обмена, как его ни топи, будет постоянно всплывать на поверхность экономической теории. И нам раз за разом будут объяснять, что нравственность – категория внеэкономическая.

Обратимся к недавнему нашему прошлому. Вышеупомянутая стагнация, свойственная экономике СССР, побудила её руководство в 70-е годы прошлого века ввязаться в игры на мировом энергетическом рынке, а в 80-е на нём грянул кризис [3]. До этого мировые экономические кризисы не затрагивали достаточно изолированную советскую экономику (равно как и экономику Российской империи), наоборот, помогали её развитию (например, индустриализация в 30-е годы). Вдобавок бюджет страны подорвала авантюрная антиалкогольная кампания. Растерянное руководство страны обратилось к теоретикам советской экономической школы. В правительство СССР одного за другим вводили самых титулованных учёных-экономистов.

Глубокомысленные рассуждения, туманные обещания, итог – пшик! Политическая ломка, как всегда в нашей стране, опередила возникновение для неё экономической основы (элементы азиатского способа производства появились в России во время противостояния монгольскому игу на последнем его этапе, когда централизованное государство принялось само насаждать экономику, естественно, административную).

И тут явился Е. Гайдар со своими отворотами от всех болезней. Нет смысла анализировать его «теории», которые являют

собой даже не смысловую эквилибристику, а просто словесную шелуху (чего только стоит его камлание перед «аргентинским опытом»!). Я вообще не склонен демонизировать его трагикомичную фигуру. Дело не в Гайдаре, а в «его команде».

Пространные и запутанные речи Е. Гайдара были своего рода дымовой завесой, за которой его команда наверху, а бывшие советские функционеры и примкнувшие к ним «братки» пониже, по всей стране тащили и разоряли всё без разбора [1, 2].

Когда прослушиваешь витиеватые словоизвержения Е. Гайдара, убеждаешься, что в молодости он много читал из экономической классики. Да, он был человек начитанный. Но чем отличается начитанный от образованного? Смыл того, что он прочёл, до последнего дошёл, а до первого – нет. Иногда слышу упоминания о «школе Гайдара». Если она и существует, то это Высшая школа экономики, где находят приют с немалым денежным довольствием несостоявшиеся «либеральные» политики. Представители этой школы доцент Я. Кузьминов и профессор Л. Григорьев только в апреле – мае 2020 г. угощали многомиллионную телевизионную аудиторию такими экономическими благоглупостями, что невольно вспомнишь фразу из пьесы великого драматурга А. Н. Островского: «Доблестный муж, поведай нам, как ты, дожив до шестидесяти лет, сохранил в полной непорочности ум шестилетнего ребенка!».

Один заявлял, что России вообще не нужны базовые отрасли экономики, обойдёмся, мол, одной цифровизацией (вопрос – чего? – *Авт.*), другой радостно поведал, что мировую экономику после пандемии мгновенно не только оживит, но и двинет вперёд отложенный спрос, который накопится у людей состоятельных (да и не только) за время вынужденной самоизоляции, выйдя из которой те начнут штурмовать прилавки магазинов, дорогие рестораны и отели на модных курортах. А озарения этого он, по его словам, достиг с помощью своих лучших студентов. Завершает всё это благостная, вся в рюшечках, дама-профессор филологии (!) всё той же школы, которая каждый

«пакет» своих бессмыслиц завершает возгласом: «О'кей!» Да, мрак.

При всех недостатках советской школы политической экономии у неё было одно неоспоримое преимущество. Первая часть курса – политическая экономия капитализма, по сути – изложение «Капитала» К. Маркса – содержала и раскрывала базовые понятия теории, а главное – логику и метод исследования первооснов экономических процессов. Овладев ими, мыслящий человек мог, не оглядываясь на вторую часть – политэкономию социализма, – самостоятельно анализировать современные ему экономические процессы.

Нынешний курс экономической теории таких шансов не даёт. Много работая в последние годы преимущественно с аспирантами – выпускниками самых разных вузов, я всегда начинал свои занятия с ними с просьбы дать определения понятий «товар» и «рынок». Ответить мог один из десяти, и это в лучшем случае. Вопрос о стоимости задавать вообще бесполезно. Помню учебник по курсу экономической теории, изданный одним из первых в 90-е годы (не хочу называть автора, с которым у меня добрые отношения просто как с человеком). На одной странице там приводилось четыре (или пять?) определений товара, противоречащих друг другу. Говоря о ценности земли, автор уверял, что плодородие земли дополняется, возможно, содержащимися под ней полезными ископаемыми (он, похоже, забыл, что одно с другим находится в антагонистическом противоречии).

Учебники, издаваемые ныне, таких перлов не содержат (или мне не «повезло» с выбором?), но отсутствие методологического начала в самой программе курса экономической теории неизбежно превращает их в схоластику. Даже если их пишут такие безусловно одарённые учёные, как С. С. Носова.

Не лучше, чем с теорией, дело в экономическом образовании обстоит с другой его важнейшей составляющей – статистикой. В советские времена мы штудировали её два года – от её

общей теории до математической статистики. Последние десятилетия курсы статистики последовательно выдавливаются из учебных планов экономических вузов. Как результат – их выпускники не могут ни грамотно составить простую таблицу, ни прочитать её.

Наконец, математика. Да, объём учебных часов заметно увеличен, но вот незадача – выпускники экономико-математической специализации не отвечают на вопросы, кто такие В. В. Леонтьев и Л. В. Канторович и какова их роль в экономической науке. Вполне сравнимо с тем, что окончивший медресе не слышал ничего о Магомете. Задача высшего образования – активировать у человека способность к самостоятельному творческому мышлению, и на базе усвоения им необходимой части накопленной до него суммы знаний сформировать из него высококвалифицированного специалиста в той или иной сфере человеческой деятельности. Опираться высшее образование должно на среднее, а уровень его теперь крайне понизился. Я не собираюсь это доказывать, просто почитайте переписку молодёжи в интернете.

Теперь речь идёт даже не об экономическом образовании, а об образовании вообще, а оно – важнейший ресурс социально-экономического потенциала, составляющая, без которой о всех типах прогресса можно просто забыть. В последние годы силы нашей страны были направлены сначала просто на спасение, а затем – на значительное укрепление её обороноспособности. Теперь первоочередной объект общенационального внимания в том же ключе – образованность российской нации. Указы президента России, направленные на решения этой задачи, по мнению моему и многих моих коллег «на местах», просто саботируются, т. е. формально, для отчёта их выполняют, подгоняя показатели за счёт того, что избавляются от «дорогостоящего» профессорского состава, необоснованно увеличивают нагрузку преподавателям и др., а по сути – нет.

Бредовые требования к преподавателям по обязательному ежегодному наличию публикаций в журналах систем Scopus и Web of Science, хотя все знают, что они стоят немалых денег (не автору платят – платит он!). Да и сами эти системы, по моему глубокому убеждению, очень вредны для мировой науки. Сейчас ситуация для работников вузов такова, что, наблюдая её, способные студенты ни за что не останутся там работать. Останутся «середнячки», душа которых так стремится к бюрократии, которая насквозь пропитала нынешнюю вузовскую администрацию.

Что же представляет собой политическая экономия (экономическая теория) сегодня? Создавая её, чуток дернули из теории трудовой стоимости, бухнули побольше из неоклассической версии, добавили кусок институционализма, заправили «соусом» монетаризма и украсили «нарезкой» из маржинализма. Получили неаппетитное и неусвояемое блюдо. Это легко понять, просто обратившись к известной трактовке капитала как экономической категории: «Капитал – это стоимость, используемая для получения прибавочной стоимости посредством производственной и экономической деятельности, основанной на добровольном обмене (чем? – *Авт.*)». Лихо, но непонятно. Получается, что автор статьи если не противопоставляет производственную и экономическую деятельности, то отделяет одну от другой, а я всегда наивно полагал, что первая – часть второй.

Налицо очередная дымовая завеса, на этот раз для фиктивного капитала, создающего фиктивную стоимость для откачки реальных ресурсов. Для другой части экономической теории – экономической истории – постоянно навязывают «цивилизационный подход», хотя его теоретики вообще не рассматривают экономику как системообразующую составляющую любой цивилизации.

И как тут быть? Необходимо ещё раз чётко осознать роль и значение экономической теории в системе познания. Экономика как подсистема глобального социума объективно зани-

мает в нём главенствующее место, но это отнюдь не означает, что её теория – «важнейшая из всех наук». Сама по себе политическая экономия не является производительной силой, в отличие от фундаментальных и прикладных направлений познания, связанных с окружающим человека материальным миром (кстати, то же можно сказать и о математике).

Прогресс самой экономики чем дальше, тем больше зависит от достижений последних. С другой стороны, эти достижения в той части, что связаны с производственными технологиями, обеспечением потребностей человека, в том числе тех, которые превышают физиологически обусловленные, и расширением числа людей, имеющих доступ к удовлетворению этих потребностей, оказываются востребованными (т. е. включёнными в технологические процессы и т. п.) в зависимости от того, на какой стадии развития находится сама экономика. Вывод – основной задачей экономической теории является поиск оптимальных условий для роста производительной силы труда, в ходе которого мы неизбежно утыкаемся в категорию «стоимость», основательно ныне подзабытую.

Конечная цель производства – удовлетворение многообразных потребностей человечества. Но по законам диалектики взаимоотношения людей именно по производству, а не по потреблению материальных благ являются ключевым звеном в предмете исследования политической экономии.

Попытка поменять звенья местами (экономический неоклассицизм) – это методологический просчёт, который ведёт к тому, что точно решаются задачи, произвольно поставленные. На состояние экономики влияет множество внешних по отношению к ней как системе факторов, внешних для неё, но имманентных социуму в целом (политика, традиции, наука, культура и др.), и окружающая среда. Учёт этих факторов необходим при постановке задач как стратегического, так и тактического характера. Попытка же «вживления» их в предмет экономической

теории как таковой (институционализм) – дорога в никуда, так как постановка любой экономико-теоретической задачи становится некорректной, ибо оценка вышеуказанных факторов всегда носит «вкусовой» характер.

Любой системе свойственна дисфункция в организации, но не надо её самим внедрять в теорию. Можно обозначить ряд мер, которые необходимы сейчас для оздоровления экономической теории. Со времени смерти К. Маркса прошло более столетия, а он последний, кто дал полную картину (не будем спорить о выводах из неё) современного ему мирового хозяйства, объективную, без перекоса в сферу обращения и «монетизации».

Самое время создать новую. Эта мера необходима потому, что предлагаемые нам ныне экономические картины мира, независимо от авторства, до безобразия искажены за счёт оборота фиктивного капитала, множества финансовых пузырей, некорректного подсчёта валовых внутренних продуктов стран и пресловутой капитализации.

В совокупности всё это сводит на нет попытки воздействовать на экономику для её оздоровления как на макро-, так и на микроуровне.

Применительно к современному состоянию мировой экономики надо констатировать эффект неуправляемости. На основании этой картины выявить «болевые точки», а чаще (что срывать!) «злокачественные опухоли» мировой экономики.

В первую очередь к ним относятся пороки мировой финансовой системы и гегемония фальшивого доллара США, но много и других. Показать, как эти «опухоли» тормозят научный, технико-технологический, экономический, социальный прогресс, а в итоге – весь прогресс человечества, ибо препятствуют росту производительности его труда. Ввести в политическую экономию понятие «фиктивный капитал» как «капитал особого рода», показав его место и роль в современных экономических процессах, и начать активный поиск путей возврата к капиталу

финансовому. Обновить в политической экономии теорию денег, исходя из трансформации денежной системы (особенно в последние десятилетия с учётом фальшивого денежного оборота и влияния информационных технологий). Провести ревизию используемых ныне макроэкономических показателей. Например, очистить ВВП от фиктивных услуг, показать полную несостоятельность индекса Доу – Джонса и др. Ревизии надо подвергнуть и деятельность рейтинговых агентств, точнее, методико-методологические основы их деятельности, ибо деятельность эта – в основном выполнение заказов фиктивного капитала, а её итог – усиление неуправляемости, рост энтропии экономики. Ввести в научный оборот понятие «результат научных исследований как товар особого рода» и на этой основе сформировать отдельный раздел политической экономии «наука как непосредственная производительная сила», указав при этом на роль самой экономической теории, задача которой – сделать возможным переход потенциальной созидательной энергии результатов научных исследований и опытно-конструкторских разработок в кинетическую с позиций роста производительной силы труда.

Необходимо включить в политическую экономию категорию «технологический уклад», что является логическим продолжением понятий промышленной и научно-технической революций, с одной стороны, и позволяет получить более глубокое осмысление теории кризисов – с другой.

Предметом особого внимания политэкономии должна стать универсализация технологий как магистральное направление развития производства. В тесной связи с этим и проблема оценки ресурсного потенциала экономики, его формирования и использования. Существующий подход, например, к оценке природных ресурсов, безусловно, устарел, особенно в части оценки ресурсного потенциала в перспективе.

Западная экономическая теория так тщательно пыталась скрыть наступление на мировую экономику фиктивного капи-

тала, что просмотрела ряд самых «тревожных» для неё звонков – опережающее внедрение достижений науки и техники в производство товаров конечного потребления, движение производства в сторону универсализации технологий и др. Особенно сложна ситуация в экономике США, фиктивный капитал которых, с одной стороны, опирается на долларовую гегемонию в мировой финансовой системе, посредством которой он «высасывает» реальные ресурсы из «стран-партнёров», а с другой – разрушает саму основу этой гегемонии – материальное производство Штатов, которое за полвека деградировало. В итоге сейчас можно наблюдать парадоксальную для США ситуацию: теперь их политика «бежит впереди экономики» (ранее это всегда было характерно для России).

К чему это приведёт? Не знаю, но точно ни к чему хорошему. Думаю, время предъявит Штатам «отложенные платежи», которые я им обещал лет 15 назад. Применительно к получению объективной картины мировой экономики в российской её части есть особенности. Нуждается в значительном теоретическом переосмыслении советский этап её развития. Пора перестать чураться азиатского способа производства, который позволяет объективно оценить те процессы и явления, которые тогда имели место, понять, что из них «идёт во благо», а что «болезнь», которую надо лечить. Так, четверть века утверждаю и буду утверждать, что главная социальная потеря для населения нашей страны со сменой строя – это потеря уверенности в пусть не очень богатом, но сытом и твёрдо гарантированном завтрашнем дне. Тогда можно перейти и к выбору эффективной для России модели социально-экономического развития, что для нас «вопрос вопросов». И ещё. Мы просто обязаны разрушить миф о «российском колониализме». Четверть века твержу, что экономически Россия всегда была «империей наоборот», ибо наши «национальные окраины» дотировались за счёт её Центра, а значит – за счёт труда его населения.

Наконец, об экономике и математике. Нужна первой вторая? Да, очень, но осмысленная, имеющая внутреннее содержание, такая как межотраслевой баланс В. В. Леонтьева. Думаю, тут путь один – повышение уровня математической подготовки экономистов. Но начинать, увы, придётся не с математики, а с самой экономической теории. Ещё Аристотель задал вопрос: что общего содержится в разнящихся материальных благах, создаваемых людьми, и делает тем самым их соизмеримыми при обмене одного на другое? В дальнейшем человеческая мысль, исследуя производство, распределение, обмен и потребление товаров, неизбежно упиралась в решение этой задачи как точки отсчёта для дальнейших логических построений. К этому вопросу я предлагаю читателю вернуться позже, а сейчас хочу обратить его внимание на следующее. В том, что теперь себя выдаёт за экономическую теорию, как в исследованиях, так и в преподавании, стоимость практически исчезла. Почему? Ответ прост: распространённая в мире экономическая доктрина, ложно именуемая теорией, обслуживает интересы фиктивного капитала – незаконнорождённого, но родного дитяти капитала финансового.

Фиктивный капитал – фиктивная теория. Вместо подлинных объектов, явлений и процессов движения экономики рассматриваются их искажённые отражения. Кривое зеркало нынешней экономической теории порождает слепоту при принятии решений и в итоге приводит не только к снижению их эффективности, но и к полной неуправляемости процессами движения мирового хозяйства. Дабы разобраться в современной ситуации, мы должны ответить на ряд вопросов, касающихся нынешних внутренних проблем самой теории экономики в мире, а также российских их особенностей:

– откуда берётся рост благосостояния человечества вообще;

– какие есть виды человеческого прогресса и их взаимосвязь;

– каковы особенности экономического прогресса сегодня и завтра;

– что делает науку непосредственной производительной силой;

– откуда взялся пресловутый человеческий капитал;

– как математика помогает экономической науке;

– деньги, стоимость и капитал – что о них говорит исторический опыт и современность;

– откуда взялся фиктивный капитал, почему он стал злокачественной опухолью современной экономики и зачем нам его «услуги»;

– почему так быстро сдалась советская экономическая школа и кто пришёл ей на смену;

– что происходит у нас в экономическом образовании и образовании вообще;

– что делать.

Вернёмся к теории как таковой. Что отличает теорию экономическую от теории в естественных науках? Объект изучения в последних определён изначально, что следует из самого понимания естества. Объект теории экономической пребывает в непрерывной трансформации, равно как и субъекты экономики, ряд из которых в процессе исчезает вообще (например, община). Сам по себе этот объект – продукт коллективной людской деятельности, он «рукотворный»!

Возникают принципиально новые системы как предмет изучения, а значит, появляются и новые системообразующие связи и категории. Так, категория «стоимость» неприменима к первобытному натуральному хозяйству, которое практически не предполагает обмена продуктами труда. Стоимость – это категория товарного хозяйства, она реализуется в процессе обмена и определяется затратами общественно необходимых затрат – затрат труда на производство товара. В силу вышеизложенного ясно, что история экономики – имманентная составля-

ющая её теории, ибо без неё нельзя определить сам объект изучения в текущем периоде. К этому вопросу мы ещё вернёмся, а пока рассмотрим саму цель существования экономической теории.

Итак, почему человечеству в принципе возможно богатеть, т. е. потреблять больше материальных благ (пока ограничимся ими)? Есть два пути: первый – дольше работать (экстенсивный), второй – больше производить в единицу рабочего времени (интенсивный), что называется ростом производительности труда. За всю историю никто не смог отыскать других источников, как он ни тужился.

Заметим, что присвоение результатов чужого труда в любой форме не увеличивает богатство человечества в целом, а лишь меняет их распределение и потребление. Столетиями рост производительной силы труда определяли два основных фактора: специализация производства (территориальная, отраслевая и технологическая) и рост его технико-технологического оснащения, сопровождавшийся повышением уровня квалификации работника, – это важнейшая составляющая теория Адама Смита и его идеологических преемников.

Ослепшая в последней трети XX в. и бодро перенесённая на нашу отечественную ниву нашими «либеральными» доброхотами западная экономическая теория не углядела важнейших современных ей и перспективных перемен в мировой экономике как объекте изучения. Примерно полтора века мы наблюдаем ускорение технико-технологического прогресса производства, отсчёт которого надо вести от появления парового двигателя и которое особенно заметно со второй половины прошлого века. Последнее во многом обусловлено появлением как новой отрасли знаний, так и производства – информационных технологий, позволяющих, с одной стороны, обеспечить более быструю адаптацию достижений фундаментальных исследований, а с другой – повысить качество и оперативность управле-

ния производством. Но в последние 40–45 лет мы видим и новый экономический парадокс: ускорение потребления результатов фундаментальных научных исследований для конечного потребления опережает этот показатель в потреблении производственном, хотя эта тенденции должна носить обратный характер.

Для понимания противоречия обратимся к истории экономики, а точнее, к процессам специализации, которые, как отмечалось выше, многие века были двигателями прогресса. Неслучайно им всегда уделялось особое внимание в теории и практике экономики. Но любое явление, даже социальное, имеет физический предел. Мы здесь можем рассматривать его и как переносное, и как буквальное понятие, ибо свои полномочия по физическому пределу передаёт экономическим процессам производственное оборудование.

Возьмём ткацкий станок. Думается сейчас, он практически достиг физического предела в скорости формирования полотна, а следовательно, предела роста производительности труда в ткацком производстве. Попытки перейти в потреблении человеком на трикотаж, производство которого более производительно, и к ещё менее затратным нетканым материалам ожидаемого результата не дали. Да и упомянутые отрасли имеют свой физический предел. Первым симптомом возможного переосмысления технологических стратегий должно было бы стать появление электроэнергетики как производителя универсального по потребительским свойствам продукта из различных сырьевых источников. Другим тревожным звонком стало создание в XX в. материалов с заранее заданными свойствами. Наконец, обратите внимание на информационные технологии. Несмотря на то, что продукт их производства материализуется опосредованно через другие товары и услуги, сам процесс здесь достаточно универсален.

Всё конспективно изложенное выше позволяет усомниться в перспективах специализации производства в промышлен-

ности и сделать вывод о том, что у неё тоже есть физический предел. Этот тезис дополняет ограниченность ресурсов традиционного сырья, которая не вызывает сомнения у большинства специалистов. Таким образом, стоит задача формирования стратегии развития технологий, исходя из новых научно-технических и социально-экономических позиций.

Многолетнее осмысление автором этой проблемы привело к выводу о том, что магистральным направлением развитие производственных технологий станет их универсализация с конечной целью – создание технологий универсальной трансформации (атомного конструирования или квантового копирования). В качестве ближайшей цели, как отмечает учёный М. Ковальчук, надо определить создание природоподобных технологий.

Прогресс как таковой означает движение от менее совершенного к более совершенному, при этом можно (и нужно) понимать это применительно к системе в целом, к её отдельным элементам, к структуре и др. Следуя этой логике, выделим основные направления (виды, типы) прогресса человечества:

– прогресс познания;

– технико-технологический прогресс;

– экономический прогресс;

– социальный прогресс.

Необходимо отметить, что прогресс в познании имеет две взаимодополняющие составляющие – научную и культурную, что отражает два вида восприятия и осмысления человеком как окружающего, так и внутреннего мира – логического и чувственного. Конечно, все основные направления прогресса находятся в единстве, что вытекает из самого понятия системы, но единство это диалектическое.

Уровень развития техники и технологии служит важнейшим фактором, определяющим социально-экономические параметры жизни населения (объём и структуру материального потребления, доступность и качество здравоохранения, время

и качество отдыха, наличие социальных гарантий, в итоге саму продолжительность жизни) и, как следствие, – отношение по поводу производства и распределения конечного продукта. При этом социально-экономический формат организации и управления производством определяет эффективность использования его технологической базы и стимулирует (или дестимулирует) её развитие. Все эти процессы неизбежно приобретают идеологическое оформление, что, в свою очередь, ведёт к трансформациям политическим. Следует отметить, что мировой исторический опыт показал асинхронность социально-экономических процессов и появление их идеологического обеспечения. Одно или другое либо опережает, либо отстаёт. В любом случае появляются деструктивные факторы для мировой экономической системы в виде политических движений, решений и институтов. Понимание диалектической взаимосвязи вышеупомянутых видов прогресса даёт категория «технологический уклад», которую к жизни вызвала теория больших циклов Кондратьева.

Технологический уклад с точки зрения теории познания представляет собой межотраслевое научное понятие, которым оперируют представители естественных, технических и экономической наук. Как совокупность технологий, доминирующих на определённом отрезке истории, он синтетически характеризует современную ему стадию технико-технологического и социально-экономического прогресса человечества.

Введение в научный оборот этой категории определено цикличностью прогресса экономического. Цикличного потому, что экономика (хозяйство) на достаточно длительный период времени фиксирует достижения в целом непрерывного научно-технического прогресса, преобразованные в новые для определённого этапа технологии, в виде основных производственных фондов.

Переход от одного уклада к другому сопровождается системным кризисом. Сейчас человечество стоит на пороге шес-